
ЭТИКА

М. В. ГАВРИЛОВ

ЭКСПЕРИМЕНТЫ, НИЛ ЛЕВИ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПСИХОПАТОВ*

В статье анализируется подход австралийского философа Нила Леви к моральной ответственности психопатов; разбираются его опирающиеся на эмпирические данные аргументы в пользу снижения их ответственности или снятия ее с них, а также использование им кейса психопатов в качестве аргумента против сторонников атрибутивизма в общем и Т. М. Скэнлона в частности. Отмечается, что исследования, которые приводит Леви, единичны и противоречивы. Самые радикальные интерпретации этих экспериментов были им впоследствии скорректированы, но даже самый слабый тезис из тех, которые он предложил (степень моральной ответственности должна быть сильно снижена у некоторых психопатов), как кажется, должен быть отвергнут прежде всего на основании противоречивости самого понятия психопатии, которое он использует слишком опрометчиво. Использование результатов эмпирических исследований может помочь философам в прояснении феномена моральной ответственности, но для этого им стоит проводить более точные эксперименты и более вдумчиво и осторожно их интерпретировать.

Ключевые слова: Леви, психопатия, моральная ответственность, осуждение, атрибутивизм, эмпатия.

The article analyzes the Australian philosopher Neil Levy's approach to the problem of the moral responsibility of psychopaths; it examines his arguments based on empirical data in favour of reducing or even denying their responsibility, and his use of the case of psychopaths as an argument against proponents of attributionism in general and T. M. Scanlon in particular. It should be noted that the studies Levy cites are isolated and contradictory.

* Для цитирования: Гаврилов М. В. Эксперименты, Нил Леви и ответственность психопатов // Философия и общество. 2023. № 3. С. 81–101. DOI: 10.30884/jfio/2023.03.05.

For citation: Gavrilov M. V. Experiments, Neil Levy and the Psychopaths' Responsibility // *Filosofiya i obshchestvo = Philosophy and Society*. 2023. No. 3. Pp. 81–101. DOI: 10.30884/jfio/2023.03.05 (in Russian).

Философия и общество, № 3 2023 81–101

DOI: 10.30884/jfio/2023.03.05

The most radical interpretations of the experiments he cites have been subsequently corrected by him, but even the weakest thesis he proposes (that the degree of moral responsibility should be greatly reduced in the case of some of the psychopaths) should, it seems, be rejected primarily on the basis of the inconsistency of the very concept of psychopathy that he uses too recklessly. Using the results of empirical research can help philosophers clarify the phenomenon of moral responsibility, but to do so philosophers should use more accurate experiments and interpret them more thoughtfully and carefully.

Keywords: *Levy, psychopathy, moral responsibility, blame, attributionism, empathy.*

Нил Леви – известный и чрезвычайно плодовитый философ из Сиднейского университета Маккуори, которому удается писать в среднем по 10–20 статей каждый год. Сфера его интересов достаточно обширна: от нейро- и биоэтики до метафизики свободы воли. Леви – сторонник экспериментальной философии, и наиболее цитируемым исследованием ученого является его ранняя книга по нейроэтике [Levy 2007a]. Также ученому принадлежат две занимательные книги по свободе воли и моральной ответственности (далее – МО)¹. В данной статье мы не будем рассматривать его общий подход в отношении МО, а сосредоточимся на его статьях, связанных с МО психопатов, которую Леви обсуждает отдельно.

В нашей прошлой статье, посвященной проблеме использования эмпирических данных для определения МО психопатов, мы попытались раскрыть те проблемы, с которыми в целом сталкиваются философы: это прежде всего отсутствие достоверных доказательств существования психопатов в том виде, в каком их часто представляют философы, а также неопределенность и неоднородность самого феномена психопатии, которым оперируют философы, – и пришли к выводу, что некритическое использование экспериментальных данных психологов во многом лишь запутало философов и породило огромное количество статей и обсуждений, не слишком продвинувших наше понимание феномена МО и оправданных практик обращения с преступниками [Гаврилов 2020]. В настоящей статье, используя в качестве примера подход Леви, мы хотели бы сконцентрироваться на проблемах использования эмпирических данных научных исследований для решения философских проблем.

¹ См. обсуждение некоторых аргументов его первой книги [Levy 2011]: [Беседин 2021; 2023: 148–152] и некоторых аргументов второй [Levy 2014a]: [Волков 2016].

Также представляет интерес использование философом данных о психопатии в качестве аргумента против теорий атрибутивизма. Мэттью Талберт указывает на то, что Леви в своей статье [Levy 2005], кажется, был первым, кто употребил термин «атрибутивизм» в таком значении [Talbert 2019]. Леви определяет атрибутивизм как такую теорию МО, которая предполагает рассмотрение в качестве условий МО исключительно установки агента, проявляющиеся в его действиях и бездействиях [Levy 2005: 4]. Его очевидный кандидат для критики – известный американский философ Томас Скэнлон, а также Номи Арпали и Анджела Смит: всех их он зачисляет в ряды атрибутивистов. Рамки статьи не позволяют более детально обсудить теорию МО Скэнлона, представление которой можно найти в [Юнусов 2020; Логинов и др. 2020: 56–69; Гаврилов, Юнусов 2022], но, коротко говоря, есть некоторые проблемы в связи с тем, насколько Скэнлона действительно можно причислить к чистым атрибутивистам, что, впрочем, никак не влияет на те самые общие аспекты теории атрибутивизма, которые критикует Леви и принимают все вышеперечисленные философы.

Если в 2005 г. Н. Леви только вскользь упоминает психопатов в качестве аргумента против теории атрибутивизма [Levy 2005: 9–10], то в статье 2007 г. кейс психопатов уже становится магистральным [Idem 2007b]. В последующих статьях ученый отойдет от критики атрибутивистских теорий, настойчиво продолжая искать в эмпирических данных обоснование для своих выводов о психопатах.

Аргументация в его статьях построена на исследованиях психопатии и их интерпретациях, что позволяет проанализировать, как философ может использовать информацию и достижения других наук. Мы специально развернем эту дискуссию о психопатах в хронологическом порядке, чтобы подчеркнуть, насколько своеобразно Леви отвечает на критику по поводу как эмпирической базы, так и его интерпретаций этой базы.

В ответ на критику Н. Леви прямо пишет о специфике своих статей: «Философы уже давно стремятся разработать априорный концептуальный анализ, который не был бы так подвержен капризам научного прогресса. Каковы бы ни были достоинства такого стиля философии, это не то, чем я здесь занимаюсь. Как и работа в области естественных наук, выдвинутые здесь утверждения должны быть предварительными. В лучшем случае они будут поглощены более полными и удачными теориями моральной ответственности по мере развития концептуальной и эмпирической работы;

в худшем – будет показано, что они опираются на ошибочное эмпирическое основание. Да будет так. Я не пишу на века» [Levy 2007c: 167]. Стоит заметить, что основная часть претензий к Леви все же связана скорее с его радикальными интерпретациями эмпирических исследований, чем с непосредственно эмпирическими данными.

Самая первая статья Н. Леви [Idem 2007b], посвященная МО психопатов, является одной из самых цитируемых по этой теме, и ее упоминание можно встретить не только в философской литературе, но и в статьях психологов, что является редкостью для философских статей на данную тематику. Выводы его ранних работ получаются настолько радикальными, что с ними не готовы согласиться даже авторы исследований, на которых он ссылается. Учитывая широкую критику со стороны как психологов, так и философов, Леви пришлось ослабить свою раннюю точку зрения относительно МО психопатов, но он не отказался от нее полностью. Впрочем, диапазон утверждений Леви по поводу МО психопатов варьирует не только от статьи к статье, но и внутри одной отдельной статьи. Я перечислю все возможные тезисы Н. Леви относительно МО психопатов и, по большей части, буду использовать их краткое обозначение в дальнейшем:

- а) все психопаты должны быть полностью освобождены от МО;
- б) некоторые психопаты должны быть полностью освобождены от МО;
- в) степень МО должна быть сильно снижена у всех психопатов;
- г) степень МО должна быть сильно снижена у некоторых психопатов.

В трех ранних статьях [Idem 2007b; 2007c; 2010] Леви петляет между тезисами «а» и «в», склоняясь к «в». В более поздней статье [Idem 2014b] можно увидеть постулирование «г» и предположение, что иногда будет возможно и «б».

Так как свои тезисы Н. Леви основывает на эмпирических исследованиях, то ему приходится столкнуться с двумя видами проблем:

- 1) исследования, которые он использует для аргументации, единичны и выборочны;
- 2) его интерпретации этих исследований вызывают большие сомнения.

Чтобы защититься от критики в отношении пункта 1, Леви обращается в последующих статьях к еще большему количеству исследований. Однако то, что у него в наличии не два, а, например,

пять исследований, которые Леви своеобразно интерпретирует, кажется, никак не позволяет ему достичь цели и принять даже самый минималистичный вариант из набора его тезисов – пункт «г».

1. Ответственность психопатов *ver. 1* и теория атрибутивизма

В своей первой статье, посвященной этому вопросу, Леви пишет, что психопаты бросают вызов нашим теориям МО: они совершают более 50 % всех насильственных преступлений. Здесь он ссылается на специфический и, мягко говоря, далеко не самый авторитетный источник по психопатии [Reznek 1997: 136–140], в котором приводятся следующие цифры: 6 % мужчин отвечают за 56 % преступлений (ничего не сказано про то, что это насильственные преступления, и нет прямой связи с психопатами) [*Ibid.*: 136]. Рядом с цифрами, которые приводит Лоури Резнек, мы видим ссылку на книгу 1972 г. без указания страниц [Wolfgang *et al.* 1972]. В книге можно найти следующие результаты: 6 % исследуемой когорты (Резнек, видимо, самостоятельно высчитал это из приведенных таблиц – 627 из 10 000 мальчиков, родившихся в Филадельфии в 1945 г., кто совершал более пяти преступлений до 18 лет) были ответственны за 52 % (а не 56 %) всех преступлений когорты [*Ibid.*: 88–89]. Совершенно удивительно, как преломилось это исследование о несовершеннолетних рецидивистах (которые превратились в психопатов), и в источнике, на который часто ссылается Леви, и у самого Леви.

Психопаты, по Н. Леви, также ответственны за очень большой процент мелких краж и случаев мошенничества. В том же источнике [Reznek 1997: 137] мы не находим такого утверждения – в нем цитируется статья известного исследователя психопатии Роберта Хаэра, где речь идет просто о том, что психопаты имели больше судимостей по многим преступлениям, включая кражи, мошенничество и т. д., чем непсихопаты [Hare *et al.* 1988: 711]. Более того, Резнек и здесь ошибся, указав неправильную страницу – 268 вместо 711.

Также Леви предполагает, что психопатами является большая часть серийных убийц, что, конечно, не означает, что психопаты – это только серийные убийцы [Levy 2007b: 129]. Здесь Леви ни на кого не ссылается, воспроизводя распространенный миф, что маньяки и серийные убийцы сплошь психопаты. Не так давно вышло исследование на этот счет, в котором авторы утверждают, что большинство серийных убийц, по-видимому, не подходят под критерии психопатии, разработанные психологами [Hickey *et al.* 2018].

Психопаты, по Леви, с одной стороны, зачастую имеют непосредственный контроль над своими злонамеренными и по большей части вполне рациональными действиями, а с другой – совершенно глухи к моральному знанию, свойственному обычным людям. Леви признает, что среди специалистов по психопатии существует больше разногласий между собой, чем среди специалистов по другим психическим расстройствам. Но это не мешает философу выделять черты, которые, по его мнению, можно найти практически в каждом диагностическом инструменте психопатии. Эти черты Леви выборочно смешал² из разных диагностических инструментов, определив психопатов как неисправимых правонарушителей, неспособных к раскаянию, сочувствию и не имеющих чувства вины и стыда. Они импульсивны, безответственны, не способны к долгосрочному планированию и т. п.

Леви будет отстаивать позицию, что психопаты не ответственны за свои действия в силу отсутствия у них морального знания, из-за чего они не способны контролировать свои действия с точки зрения моральных оснований. С одной стороны, считает он, этот вывод имеет практическое значение в своей отсылке к юридической ответственности, а с другой – дает основания полагать, что одна из самых влиятельных теорий МО, атрибутивизм, неадекватна [Levy 2007b].

Для объяснения причин психопатии Н. Леви ссылается на исследования Джеймса Блэра, который считает дисфункцию миндалины ответственной за большинство преступлений, наблюдаемых у психопатов. Именно эта область мозга, согласно интерпретации Леви, по большей части отвечает за «моральную социализацию». Дисфункция миндалины может прояснить инструментальную хладнокровную агрессию психопатов, что отличает психопатию от расстройств, связанных с реактивной агрессией, вызванной прежде всего проблемами с самоконтролем. Именно хладнокровная агрессия, которая зачастую не связана с потерей контроля, считает Леви, вызывает в нас острое нежелание снимать МО с психопатов.

² Существует множество предположительных черт психопатии, и многие из них серьезно отличаются друг от друга (даже в пределах одного диагностического инструмента). Одна из популярных точек зрения среди исследователей – выделять из этого конгломерата черт первичную (связанную с такой чертой из перечисленных Леви, как контролируемая, рациональная злонамеренность) и вторичную (соответствующую таким чертам, как импульсивность и неспособность к долгосрочному планированию) психопатии, которые, как считают многие исследователи, стоит рассматривать отдельно друг от друга [Hicks, Drislane 2018: 326].

Дисфункция миндалины, по данным Дж. Блэра, отвечает за то, что психопаты не способны распознавать страх и печаль в других людях, а также не дает им классифицировать вред с точки зрения страдания других. И уже это порождает неспособность к различению разных видов норм в отношении серьезности и тяжести их нарушения. Обычный человек признает, что вред, наносимый другому, – это плохо, потому что он вызывает в нем самом определенный вид страдания. И поскольку психопат слеп к таким сигналам, он не способен понять эти моральные основания. Прежде всего именно данные эмоциональные дефекты, по мнению Блэра, проясняют то, почему юные психопаты в его известном эксперименте не были способны отличать нарушение моральных норм (независимых от авторитета: например, когда учитель разрешает ученику ударить другого ученика) от нарушения конвенциональных норм (когда ученикам разрешается разговаривать друг с другом). Проблемы исследований Блэра состоят в том, что некоторыми другими исследовательскими коллективами они либо просто не подтверждаются, либо опровергаются. Впрочем, это касается практически всех исследований психопатии, связанных с нейровизуализацией. Мы не можем точно утверждать, что существует серьезный дефицит эмпатии у психопатов в целом, потому что у нас есть исследования, как подтверждающие, так и опровергающие такой дефицит. Эксперимент с нарушением различных норм был опровергнут [Aharoni *et al.* 2012; 2014]. Подробнее об этих моментах мы уже писали [Гаврилов 2020: 166–168].

Леви предполагает, что эти аргументы должны убедить нас, будто степень МО психопатов должна быть как минимум крайне небольшой, и это соответствует тому, что мы обозначили как вариант «в». «Для них красть у другого или причинять ему боль – это не более неправильно, чем, скажем, неправильно парковаться или лезть вне очереди... Для психопатов все преступления просто конвенциональны, и поэтому – с их точки зрения – ни одно из них не является таким уж серьезным. Следовательно, степень их ответственности меньше – пожалуй, гораздо меньше, – чем она была бы за аналогичный вред, причиненный нормальным агентом» [Levy 2007b: 132]. Но уже в следующем предложении философ заявляет, что «действительно, есть основания полностью освободить их от моральной ответственности» [*Ibid.*].

После этих утверждений он переходит к теории оппонентов. Атрибутивисты утверждают, что способность понимать силу моральных оснований не является важной для МО, как и то, какая ка-

узальная история привела агента к его действию. Имеет значение только то, какие установки агента по отношению к другим выражает его действие.

Проблема атрибутивистов, считает Леви, заключается в том, что они не проводят различия между *плохими* и *достойными осуждения* агентами. А это различие «само по себе интуитивно», поэтому любая теория, отрицающая его, «менее правдоподобна», чем теории, утверждающие иначе. В этом месте в качестве основного примера для иллюстрации такого различия Леви и вводит кейс психопатов: «...заклучение в скобки каузальной истории оставляет атрибутивиста не в состоянии объяснить отсутствие моральной ответственности у агентов в некоторых явных случаях» [Levy 2007b: 133]. Леви предполагает, что в основе возникновения психопатии, вероятно, лежат генетические факторы³, поэтому психопаты явно не несут МО за то, что они стали психопатами: это не был их осознанный и свободный выбор. Да, они плохие, но разве они достойны осуждения? «Таким образом, моральная ответственность совместима с нормальными процессами социализации, которые постепенно превращают ребенка в компетентного морального агента, способного размышлять о своих собственных убеждениях и желаниях, но она несовместима с некоторыми видами тяжелых психических заболеваний, опухолями головного мозга и тому подобным» [Ibid.: 134].

Атрибутивисты, рассуждает Леви, ответили бы, что разницу между психически здоровыми и тяжелобольными можно провести и без отсылки к каузальной истории. Действие психически больных не отражает их «реальное Я». Испытывающий психозы человек когда-то обладал другим характером, и если бы существовало лекарство, то оно могло бы вернуть такого агента к его реальному Я. Однако именно в случае психопатии такого различия нельзя провести, поскольку психопаты такие с рождения и поэтому не могут быть хорошими людьми, страдающими от болезни, – они просто плохие люди.

В ответ, возможно, желая расшатать подобные интуиции, Леви предлагает нам представить случай Билли, который, видимо, должен нас окончательно убедить, что атрибутивизм ложен. С раннего детства Билли рос с медленно увеличивающейся опухолью в мозге,

³ Насколько сильна роль генов в появлении психопатических черт, кажется, по-прежнему не удается понять. Подробнее см.: [Griffiths *et al.* 2022].

которую никто не замечал. Билли растет, а его характер остается неизменно плохим: мальчик агрессивен и эгоистичен, и это происходит в том числе из-за опухоли. В подростковом возрасте он участвует в ограблениях банков, захвате заложников, перестрелке с полицией. И вот в одной из перестрелок Билли смертельно ранили. Когда при вскрытии его опухоль будет обнаружена, мы, конечно, утверждает Леви, перестанем осуждать его за эти плохие действия – мы припишем их его опухоли, а не его реальному Я.

Этот случай, по мнению Н. Леви, демонстрирует, что мы не склонны оправдывать агентов только на основании их характера. И дело не в том, что мы делаем различие только в тех случаях, когда можно вылечить болезнь, – опухоль могла и не быть операбельной. Если бы ребенок родился с грубым неврологическим отклонением, которое привело к схожим симптомам, то мы бы тоже его простили. В таких случаях, даже если у этих людей не было никакой другой личности, мы не будем склонны осуждать их как за их характер, так и за их действия, которые выражают этот характер.

Леви пишет, что атрибутивизм не может дать правильный ответ как в случае с Билли, так и в случае психопатов, которые не способны излечиться и не могут контролировать ни свое плохое состояние, ни его появление в прошлом. Видимо, Леви предполагает, что наши интуитивные представления о психопатии и врожденной опухоли Билли противоречат выводам атрибутивистов, и, следовательно, их теория неверна. По его мнению, атрибутивисты должны признать важность морального знания для определения условий МО, а значит, должны признать и условие контроля, которое они отрицают. Но тогда их точка зрения на условия МО будет мало чем отличаться от многих других, основанных на условии контроля.

В конце своей статьи Леви разбирает некоторые возражения. Одно из них заключается в том, что психопаты несут большую опасность для общества, и мы не можем позволить им «разгуливать свободно». На это Леви отвечает, что мы действительно должны заключить опасных психопатов в тюрьму, таким же образом, как удерживали бы носителей заразных болезней в госпиталях, но это не повод осуждать их.

В связи с таким ответом возникает вопрос: а в чем, собственно, состоит расхождение Леви с атрибутивистами в общем и со Скэнлоном в частности с точки зрения моральных последствий? Осуждение, по Скэнлону, и не подразумевает наказания. Это написано в той же главе основной книги Скэнлона, которую, критикуя его,

цитирует Леви [Scanlon 1998: 287]. В книге 2011 г. Леви рассматривает этот аспект теории атрибутивистов и признает, что, если все обстоит именно так, то его доводы, связанные с моральным знанием и каузальной историей, бьют мимо цели, но, по его мнению, такое слабое понимание МО, которая не подразумевает санкций и наказаний, проходит мимо основных дискуссий о свободе воле и МО [Levy 2011: 211]. Но ведь в этом и заключается подход Скэнлона: он считает, что дебаты о свободе воли во многом бесплодны [см., например: Scanlon 1998: 275], переключает внимание на конкретные реактивные установки, которые в принципе могут быть определены как уместные, и полагает, что в основе всякого осуждения лежит изменение взаимоотношений с осуждаемым. Осудить психопата в этом смысле означает не доверять ему, не считать его своим другом и т. д. Получается, что критика теории атрибутивизма со стороны Леви закончилась, не начавшись.

В итоге можно увидеть, что статья основана либо на неправильно понятой информации из источников, либо на экспериментах лишь одной из многих исследовательских групп, изучающих психопатию. Леви, экстравагантно интерпретируя единичные эксперименты, убеждает, что психопатов пора (либо полностью, либо по большей мере) освободить от МО, а теория атрибутивизма неверна, но кажется, что он просто не счел необходимым для начала более детально разобраться со своими эмпирическими данными и более внимательно отнестись к теории атрибутивистов.

2. Критика ответственности психопатов ver. 1

Критические ответы на статью Леви и его последующий ответ на них были опубликованы в том же самом номере. В центре внимания критиков оказались не его возражения атрибутивистам, а скорее его спорные интерпретации эмпирических сведений и общие размышления на этот счет. Мы кратко изложим лишь некоторые релевантные для целей данной статьи тезисы.

Пол Мюллен считает концепцию психопатии научно сомнительной и теоретически ущербной и обращает внимание Леви на ее противоречивость. Он также предполагает, что психопатия может оказаться не только пустой, но и опасной концепцией, так как она выступает сомнительным ярлыком, который могут использовать в карательных целях, то есть в качестве основания для помещения человека на неопределенный срок в психиатрическую больницу [Mullen 2007].

Р. Дж. Р. Блэр [Blair 2007], на исследования которого прежде всего ссылается Леви, выразил сомнение по поводу всех тезисов Леви, но в целом, как представляется, готов поддержать тезис «г».

Блэр сомневается:

1) В тезисах «а» и «б», подразумевающих полное освобождение от МО на основании того, что мы все-таки считаем ответственными тех, кто совершает преступления, не связанные с эмоциональной реакцией. Ответственность может относиться к фактическим знаниям о существовании правила, а не к эмоциональному ответу на его нарушение. Психопаты знают правила, следовательно, по крайней мере в некоторой степени, должны нести ответственность. Подобные же сомнения высказывают и Мануэль Варгас с Шоном Николсом [Vargas, Nichols 2007: 157–159].

2) Во всех тезисах, но особенно в пунктах «а» и «в» (в которых идет речь обо всех психопатах), на основании предположения, которое поддерживают многие исследователи, отмечается, что психопатия – это континуум. Если это действительно так, то дискуссия о МО психопатов серьезно усложняется: где тот порог моральной слепоты, спрашивает Блэр, уменьшающий степень МО психопата? Должна ли соблюдаться какая-то пропорциональность между моральной слепотой и МО? Не получится ли так, что, приняв подобные тезисы, мы должны больше спрашивать с людей, имеющих тревожные расстройства, которые, возможно, проявляют более высокий уровень морального развития? Должны ли мы считать их более ответственными и больше осуждать их за проступки, чем за схожие проступки нормальных людей? Почему это должно работать только в одну сторону?

М. Варгас и Ш. Николс назвали статью Леви провокационной. Их критика оказалась наиболее значимой для Н. Леви: он учитывал ее в каждой своей последующей статье о психопатах. Судя по всему, этих авторов тоже можно записать в ряды сторонников тезиса «г». Вот некоторые их возражения:

1) Неспособность различать нарушения моральных и конвенциональных норм не охватывает все наши моральные соображения: «В той мере, в какой ответственность психопата зависит от способности обладать моральным знанием (или же постигать моральные основания), частичная или меняющаяся от случая к случаю чувствительность к диапазону моральных соображений, которую не удается охватить моральным/конвенциональным различием, может должным образом обосновать приписывание МО в тех других областях. Частичное знание всего спектра моральных оснований мо-

жет оказаться достаточным для обоснования полноценного осуждения, по крайней мере в некоторых обстоятельствах» [Vargas, Nichols 2007: 159].

2) В отношении опухоли Билли Варгас и Николс считают важным узнать, уменьшила ли она способности к восприятию морального знания или же полностью свела их к нулю. Их точка зрения заключается в том, что сама по себе опухоль едва ли способна вызвать поведение, описанное Леви. Если опухоль усиливает предрасположенности, но не устраняет полностью способность подавлять их, то это не снимает полностью ответственности с агента. «Урок заключается в следующем: чем больше мы узнаем о биологической основе поведения, тем больше нам может хотеться оправдать расстройства, чье биологическое происхождение мы можем распознать. Леви не определяет это как ошибку в суждениях – отчасти значимость его статьи заключается в том, что он фактически защищает такой подход. Тем не менее стремление оправдать психопатов и других людей с расстройствами, которые хотя бы частично имеют биологические корни, может опередить как эмпирические факты, так и наши лучшие нормативные теории. Действовать нужно осторожно» [*Ibid.*: 161].

3. Ответ Леви на критику ответственности психопатов ver. 1

Н. Леви согласен, что использованные им эмпирические исследования не являются в прямом смысле доказательствами [Levy 2007c]. Он готов признать, что психопатия неоднородна и может включать в себя два психических расстройства или более, и согласился с тем, что смешал несколько подходов, представляющих *разных* психопатов [*Ibid.*: 170]. С его точки зрения, тест на различие моральных и конвенциональных норм позволит отличить психопатов от людей с другими схожими расстройствами. Ученый также считает, что, если и есть альтернативные пути понимания моральных требований (о чем писали М. Варгас и Ш. Николс), они все равно должны подкрепляться знанием о том, что нарушение этих требований приводит к причинению вреда другим, а значит, они будут не до конца доступны для психопатов.

В ответ на критику Пола Мюллена Леви пишет, что не согласен со скепсисом в отношении нейровизуализации психопатов и с тем, что сложно отличить причину от корреляции («погружение в литературу быстро рассеивает эти опасения»), утверждая, что в его статье использованы продуманные эксперименты, «которые гаранти-

руют, что скептические сомнения не имеют силы» [Levy 2007с: 167–168]. Совершенно непонятно, откуда у Леви такая уверенность в экспериментальных данных: практически все данные, которые он извлек из «продуманных экспериментов», в дальнейшем либо столкнулись с проблемой воспроизводимости, либо были опровергнуты⁴.

Отвечая Р. Дж. Р. Блэру по поводу континуума психопатии и возможного соответствующего континуума степени морального осуждения, Леви пишет, что есть веские основания считать МО порогом, с переходом которого то, большая это или меньшая ответственность, уже не будет играть существенной роли для определения степени осуждения: обычные люди и люди с тревожными расстройствами будут проходить этот порог, но не психопаты. Следовательно, тревожные люди, даже если бы они были склонны к лучшему усвоению моральных норм, не осуждались бы за одни и те же проступки в большей степени, чем другие, не склонные к тревожности. Однако Леви признает то, с какими сложностями он сталкивается при попытке различить психопатов, у которых есть проблемы с глубокими эмоциями и, следовательно, с моральным пониманием причинения другим вреда, и тех, у которых эти проблемы не настолько сильно проявлены. Он согласен с тем, что эмпирических данных на этот счет не хватает и сложно будет различить, какие психопаты связаны с отсутствием чувствительности, а какие нет, если воспринимать МО как пороговую.

Спустя три года, в следующей статье, посвященной МО психопатов, Леви продолжал утверждать, что либо все психопаты полностью должны быть освобождены от МО, либо хотя бы некоторые из них [Levy 2010]. Эта статья мало чем отличается от статей 2007 г., но в ней отчетливо видны намерения Леви – не уделяя должного внимания критике, «спасать явление» путем добавления других выборочных экспериментов, считая, что их общая масса должна полностью обосновать его выводы. Это не выглядит в какой-либо степени убедительно. Возможно, отчасти поэтому спустя четыре года Леви пишет новую статью о психопатах с изменением изначального тезиса и другими аргументами в его защиту, которая является последней его работой на данный момент по этой теме и кажется нам наиболее удачной.

⁴ Анализ данных по нейровизуализации психопатов с 1997 по 2017 г. см.: [Jalava, Griffiths 2022].

4. Ответственность психопатов *ver. 2*

В статье 2014 г. Леви предлагает альтернативный способ защитить самый слабый тезис из его набора – степень МО должна быть сильно снижена у некоторых психопатов [Levy 2014b]. К тому моменту уже вышли исследования, опровергающие эксперимент Блэра, связанный с различием моральных и конвенциональных норм и являющийся важной частью аргументации Леви. Теперь ему самому следует защититься от свидетельств, предполагающих, что психопаты и непсихопаты могут одинаково хорошо различать эти нормы.

Учитывая новые исследования по психопатии, Леви готов признать, что утверждение, будто морально-конвенциональные различия являются «тестом на нравственность», должно быть оставлено. «Имеющиеся данные трудно интерпретировать, но кажется очевидным, что в некоторых областях, по крайней мере у людей с высоким уровнем психопатии, по-видимому, нет проблем с определением моральных правил» [*Ibid.*: 355]. Н. Леви обращается к более ранним философским источникам, в которых «до нынешней одержимости эмпирическими данными» философы часто обсуждали аморалистов – людей, знающих моральные правила, но не имеющих никакой мотивации им следовать [*Ibid.*].

Рассмотрим исследование Э. Аарони и его коллег [Aharoni *et al.* 2012], пишет Леви. Их опыты показали, что психопаты различают нормы так же хорошо, как и непсихопаты. Ничто не мешает психопатам приобрести семантические знания о том, какие действия обычно классифицируются как нравственные. Поэтому Леви считает, что результаты Аарони и его коллег не опровергают его утверждение, что психопатам не хватает определенных и основополагающих видов морального знания, которое связано с причинением страданий другому человеку. Однако Леви все же лишается непосредственного свидетельства о проблемах с моральным знанием психопатов, и ему приходится просто констатировать существование этих проблем, говоря, что у некоторых психопатов они все-таки должны быть. Без учета результатов эксперимента основной вес аргументации Леви перемещается на исследования, связанные с дефицитом эмпатии, проблемами с распознаванием эмоций других людей, которые, как и многие другие свидетельства о психопатии подобного толка, как мы уже отмечали, многими исследователями ставятся под сомнение.

Но так как Н. Леви по-прежнему считает, что у психопатов бесспорно присутствует выраженный дефицит эмпатии, то ему нужно защититься от возражений, что этот недостаток сам по себе вызывает дефицит понимания моральных идей. Эмпатия, описывает рассуждения критиков Леви, может вообще не участвовать в усвоении моральных идей, или же участвовать, но наряду с ней могут существовать и альтернативные пути их усвоения. Психопат может не понимать, какой именно вред он причиняет другому, но понимать действия, запрещенные законом, он в состоянии, и этого достаточно, чтобы приписать ему определенную степень МО. К тому же некоторые моральные нормы могут быть основаны на системе правил, предполагающей что-то наподобие религиозных заповедей [Levy 2014b: 352–354].

Леви пытается защититься следующим образом. Наши реактивные установки – это реакции на моральное содержание действия агента, которое зависит от двух факторов: намерения агента во время действия и фактов, которые агент *знает* и считает релевантными. Так как психопат не способен учитывать моральные основания как моральные, он не просто их игнорирует, он их *не знает*. Поэтому его морально плохие действия, в отличие от морально плохих действий нормальных людей, имеют более низкое моральное содержание, поскольку в таких случаях нормальные люди *знают* моральные нормы, но поступают вразрез с ними. И, следовательно, в силу более низкого морального содержания действий психопатов мы должны применять к ним более слабые реактивные установки, чем если бы точно такой же поступок совершили нормальные люди [*Ibid.*: 358].

Н. Леви предлагает представить антрополога, исследующего другую культуру. Как и психопат, который лишь знает о существовании общих моральных норм, антрополог знает о существовании моральных норм, свойственных другой культуре, но они могут никак не мотивировать его поступать в соответствии с ними. Леви обращает внимание, что у антрополога, в отличие от психопата, уже есть некоторые общие моральные представления, и в силу этого у него все же могут быть основания избегать нарушения правил местных сообществ, которые не противоречат его системе моральных взглядов: он понимает, что нарушения им местных правил теоретически могут принести кому-то вред или страдания. Психопаты лишены такой «подпорки», они не понимают, что такое страдание людей; они способны понять нормы только в их семантическом аспекте, и только в этом психопаты могут быть осуждены.

Но так как большая часть норм, считает Леви, осуществляется благодаря тем аспектам морали, к которым психопат оказывается слеп, это влечет лишь небольшую степень его осуждения. Тем самым ученый хочет сказать, что альтернативные пути понимания моральных норм все равно будут зависеть от факторов, к которым психопаты слепы [Levy 2014b: 359]. Возможно, некоторые психопаты заслуживают осуждения только за самые тривиальные конвенции, не связанные со страданиями, например за нарушение правил моды [*Ibid.*: 353].

Все это является первой частью аргументации, которая, как кажется, не сильно отличается от аргументов, которые Леви уже представлял в предыдущих статьях. Разница лишь в том, что она направлена на защиту более слабого тезиса. Теперь Леви, по видимому, считает, что только некоторые психопаты являются теми «аморалистами», которых обсуждали прошлые поколения философов. Но, как уже говорилось ранее, фактически у нас нет исследований, которые бы могли это строго подтвердить.

Вторая часть его аргументации состоит из совершенно нового для его статей аргумента: Леви предполагает, что у психопатов имеется дефицит в отношении ментальных путешествий во времени (далее – МПВ), и этот факт также играет роль в снижении морального содержания их действий. МПВ, как их описывает Леви, – это способность проецировать себя в будущее и прошлое. Леви приводит исследования, которые выявили у психопатов проблемы с памятью – они хуже запоминают факты, связанные с эмоциями. Леви понимает, что это не прямая связь: вполне возможно, что дело в недостатке эмоций, и именно из-за них и происходят проблемы с эмоциональным воспоминанием. Но существует «множество независимых свидетельств», что некоторые психопаты все же страдают именно от дефицита МПВ. Однако мы бы ответили, что эти исследования скорее просто констатируют, что у психопатов могут быть такие проблемы, беря в расчет какие-нибудь неспецифичные для психопатии ее отдельные признаки.

Н. Леви обращается к таким чертам психопатии⁵, как импульсивность или неспособность планировать свои действия заранее. Он полагает, что способность осуществлять планы и проекты – это

⁵ А точнее, к чертам антисоциального расстройства личности – диагноза, который, в отличие от психопатии, действительно используется в психиатрической практике. Леви пишет, что это близкое расстройство, видимо, решив, что такая близость оправдывает перенесение черт и на психопатов.

способность к автономному действию, цель которого – достижение того, что человек считает благом и ценностями, которые должна создавать жизнь. Следовательно, психопаты не понимают страданий жертв, потому что не осознают, что у других тоже есть жизнь. «Личность зависит от способности воспринимать себя как постоянно живущее существо со своими собственными планами и проектами; особый вред, связанный с убийством человека, в отличие от не-человека, возникает из-за прерывания этих планов и проектов... Вредить не-людям неправильно, но убивать их гораздо менее неправильно, чем убивать людей» [Levy 2014b: 362]. Их действия в отношении людей могут выражать лишь такое моральное содержание, которое обычные люди выражают, причиняя вред животным, не являющимся людьми. Психопаты, пишет Леви, не могут понять, что причиняемый ими вред мешает планам и проектам их жертв. Поэтому наши реактивные установки должны быть ослаблены, а психопаты – заслуживать меньшей степени осуждения. Леви согласен, что не у всех психопатов есть этот дефицит, и потому речь в его статье идет исключительно о некоторых психопатах.

Этот аргумент Н. Леви действительно любопытен, однако он настолько общий, что никак не может обосновать его тезис о психопатах (Леви не предлагает способы, с помощью которых мы смогли бы понять, что у одного психопата есть этот дефект, а у другого – нет, а также непонятно, нужно ли отличать психопата, у которого есть проблема с МПВ, от непсихопата с этой проблемой). Все, что из этого аргумента можно взять, – существуют люди с чертами, связанными с импульсивностью и невозможностью планирования своих действий, у которых возможны проблемы с МПВ (а еще у многих других людей с другими чертами характера тоже могут быть эти проблемы), и которые, предположительно из-за этого, не воспринимают человека именно как человека. И, возможно, если дело обстоит именно так (что, правда, не подтверждено), в силу этого когнитивного дефекта за те же самые проступки такие люди будут заслуживать меньшего осуждения, чем здоровый в этом отношении человек.

5. Общие проблемы статей Н. Леви

Какие выводы можно попробовать сделать на основе статей Н. Леви? Исследования, на которые ссылался автор, были единичными и противоречили другим исследованиям уже на тот момент,

когда он еще писал свои статьи. Сейчас одна часть из них опровергнута, другая все еще находится под большим вопросом.

Радикальные интерпретации Н. Леви претерпели изменения и были им скорректированы в сторону наиболее слабого тезиса – степень МО должна быть сильно снижена у некоторых психопатов. Однако эта интерпретация не может быть принята, даже если бы все исследования, на которые ссылался Леви, подтвердились. Его ошибки (как и многих других философов), на наш взгляд, состояли в очень поверхностном ознакомлении с литературой по психопатии (что верно и насчет его критики теоретиков атрибутивизма). У Леви отсутствуют размышления над проблематикой самого концепта психопатии, его совсем не заботит тот факт, что психопатия так и не стала официальным расстройством. В ответной статье 2007 г. он согласился, что (непризнанная) психопатия и (официально признанное) антисоциальное расстройство личности (далее – АРЛ) – это два разных расстройства [Levy 2007с: 170]. Но в 2014 г. Леви опять их смешивает: первая часть аргументации (связанной с дефицитом эмпатии) ученого скорее относилась бы к чертам, присущим конструкту первичной, или истинной психопатии (одному расстройству), а вторая часть (связанная с импульсивностью) – вторичной психопатии (другому расстройству: ее часто представляют именно как АРЛ). Если бы эксперименты и интерпретации Леви действительно оказались истинными, то мы могли бы говорить лишь о *некоторых* людях (которые имели бы серьезный дефицит эмпатии или дефицит в МПВ, или не могли бы отличать моральные нормы от конвенциональных), потому что все перечисленные проблемы были бы не специфичны для психопатов и вполне могли бы по отдельности присутствовать в том или ином человеке.

Н. Леви также не рассмотрел в своих статьях вопрос об устойчивости психопатических черт: судя по всему, он уверен в том, что эти черты являются врожденными, неизменны на протяжении всей жизни и ни в коей степени не лечатся. Однако у нас нет никаких оснований так считать [см.: Гаврилов 2020: 172–173]. Если принять факт того, что психопатические черты могут подвергаться корректровке или что они были приобретены, то аргументы Леви становятся еще более уязвимыми для критики. В таком случае грань между психопатами (которых Леви предлагает осуждать в меньшей степени) и «обычными» преступниками-рецидивистами еще больше стирается.

Более разумной, на мой взгляд, выглядела бы следующая стратегия. Стоило бы взять не психопатию, а АРЛ или преступников-рецидивистов (во многих случаях эти две группы совпадают), и использовать аргументы, связанные с их низким порогом к агрессии, серьезным дефицитом контроля над импульсивными действиями, неспособностью извлекать пользу из негативного опыта, в том числе наказания. Здесь к месту был бы и аргумент в отношении возможного дефицита в МПВ. Однако не имел бы силы аргумент, связанный с эмпатией, с которой у них обычно нет особых проблем. Но и такая линия аргументации нам кажется тупиковой. На данный момент представляется правдоподобным, что характер человека гораздо более сложен и разнообразен. Томас Уидиджер и Кристина Кrego предлагают «демонтировать» психопатию, разделив ее на группы схожих черт и встроив в общие модели личности [Widiger, Crego 2018: 292]. Нечто подобное было предложено в новой МКБ-11: психопатические черты были бы выражены прежде всего в двух кластерах – диссоциальность (например, пренебрежение правами и чувствами других) и расторможенность (например, импульсивность, непредсказуемость, и безрассудство). Но также могли быть задействованы и другие три кластера. Каждого человека следовало бы проводить по каждому кластеру, по каждой черте и учитывать выраженность черт в каждом конкретном случае.

В статье 2016 г. Н. Леви использует психопатию как пример, показывающий практическую пользу нейроэтики. Он описывает эксперимент Блэра, а также свои интерпретации этого исследования, считая их продуктивными и способными помочь разобраться с природой МО: «В то время как традиционные подходы к МО работают путем построения теорий на основе наших ответов на случаи фактические и гипотетические, нейроэтика добавляет тщательное рассмотрение наилучших доступных данных к этому сочетанию. Это может (в частности) позволить нам сделать открытия о качестве воли определенных классов агентов, которые в противном случае были бы нам недоступны» [Levy 2016: 276]. Очень сложно без иронии читать эти рассуждения Н. Леви.

* * *

Наш общий вывод: эмпирические исследования, наверное, способны принести пользу в решении некоторых философских проблем, однако для этого очень желательно использовать более точные эксперименты, более вдумчиво и осторожно их интерпретировать, а также хорошо знать материал, на основе которого проводят эксперименты, и интерпретации этих экспериментов.

Литература

Беседин А. П. «Клещи удачи» Нила Леви против компатибилистских теорий моральной ответственности // Вестник РГГУ. Сер. Философия. Социология. Искусствоведение. 2021. № 3(27). С. 26–37.

Беседин А. П. Требование внимания для моральной ответственности // Философский журнал. 2023. Т. 16. № 1. С. 146–159.

Волков Д. «Тезис о сознании» и моральная ответственность в исследованиях Нила Леви // Логос. 2016. Т. 26. № 5(114). С. 213–226.

Гаврилов М. В. Как психопаты аналитическими философами манипулировали // Финиковый Компот. 2020. № 15. С. 163–176.

Гаврилов М. В., Юнусов А. Т. Формы и условия ответственности в моральной теории Т. М. Скэнлона // Философия и общество. 2022. № 4(105). С. 89–128.

Логинов Е. В., Гаврилов М. В., Мерцалов А. В., Юнусов А. Т. Прологомены к моральной ответственности // Финиковый Компот. 2020. № 15. С. 3–100.

Юнусов А. Т. Т. М. Скэнлон, осуждение и универсальное братство // Финиковый Компот. 2020. № 15. С. 109–122.

Aharoni E., Sinnott-Armstrong W., Kiehl K. A. Can Psychopathic Offenders Discern Moral Wrongs? A New Look at the Moral/Conventional Distinction // Journal of Abnormal Psychology. 2012. Vol. 121. Pp. 484–497.

Aharoni E., Sinnott-Armstrong W., Kiehl K. A. What's Wrong? Moral Understanding in Psychopathic Offenders // Journal of Research in Personality. 2014. Vol. 53. Pp. 175–181.

Blair R. J. R. What Emotional Responding Is to Blame It Might Not Be to Responsibility // Philosophy, Psychiatry, & Psychology. 2007. Vol. 14. No. 2. Pp. 149–151.

Griffiths S., Jalava J., Larsen R. R., Alcott B. E. Genetic Correlates of PCL-R Psychopathy: A Systematic Review // Aggression and Violent Behavior. 2022. Vol. 66(1). 101765.

Hare R. D., McPherson L. M., Forth A. E. Male Psychopaths and Their Criminal Careers // Journal of Consulting and Clinical Psychology. 1988. Vol. 56. No. 5. Pp. 710–714.

Hickey E. W., Walters B. K., Drislane L. E., Palumbo I. M., Patrick C. J. Deviance at its Darkest: Serial Murder and Psychopathy // Handbook of Psychopathy / ed. by C. J. Patrick. New York : The Guilford Press, 2018. Pp. 570–584.

Hicks B. M., Drislane L. E. Variants (“Subtypes”) of Psychopathy // Handbook of Psychopathy / ed. by C. J. Patrick. New York : The Guilford Press, 2018. Pp. 297–332.

Jalava J., Griffiths S. Psychopathy: Neurohype and Its Consequences // Psychopathy: Its Uses, Validity and Status / ed. by L. Malatesti, J. McMillan, P. Šustar. N. p. : Springer, 2022. Pp. 79–98.

Levy N. The Good, the Bad and the Blameworthy // The Journal of Ethics & Social Philosophy. 2005. Vol. 1. No. 2. Pp. 1–16.

Levy N. Neuroethics: Challenges for the 21st Century. Cambridge : Cambridge University Press, 2007a.

Levy N. The Responsibility of the Psychopath Revisited // Philosophy, Psychiatry & Psychology. 2007b. Vol. 14. No. 2. Pp. 129–138.

Levy N. Norms, Conventions, and Psychopaths // Philosophy, Psychiatry & Psychology. 2007c. Vol. 14. No. 2. Pp. 163–170.

Levy N. Psychopathy, Responsibility, and the Moral/Conventional Distinction // Responsibility and Psychopathy: Interfacing Law, Psychiatry and Philosophy / ed. by L. Malatesi, J. McMillan. Oxford : OUP, 2010. Pp. 213–226.

Levy N. Hard Luck: How Luck Undermines Free Will and Moral Responsibility. Oxford : OUP, 2011.

Levy N. Consciousness and Moral Responsibility. Oxford : OUP, 2014a.

Levy N. Psychopaths and Blame: The Argument from Content // Philosophical Psychology. 2014b. Vol. 27. No. 3. Pp. 351–367.

Levy N. Neuroethics and Responsibility // A Companion to Applied Philosophy / ed. by K. Lippert-Rasmussen, K. Brownlee, D. Coady. Chichester : John Wiley & Sons, 2016. Pp. 270–283.

Mullen P. E. On Building Arguments on Shifting Sands // Philosophy, Psychiatry & Psychology. 2007. Vol. 14. No. 2. Pp. 143–147.

Reznek L. Evil or Ill?: Justifying the Insanity Defence. New York : Routledge, 1997.

Scanlon T. M. What We Owe to Each Other. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1998.

Talbert M. Moral Responsibility // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / ed. by E. N. Zalta (Winter 2019 Edition). URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2019/entries/moral-responsibility>.

Vargas M., Nichols S. Psychopaths and Moral Knowledge // Philosophy, Psychiatry & Psychology. 2007. Vol. 14. No. 2. Pp. 157–162.

Widiger T. A., Crego C. Psychopathy and DSM-5 Psychopathology // Handbook of Psychopathy / ed. by C. J. Patrick. New York : The Guilford Press, 2018. Pp. 281–296.

Wolfgang M. E., Figlio R. M., Sellin T. Delinquency in a Birth Cohort. Chicago : University of Chicago Press, 1972.